

אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

אבי אבי
הה שחאי

CONVIVENCIA

РЕЛИГИОЗНЫЕ МЕНЬШИНСТВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

Материалы к круглому столу с участием
Ирины Варьяш, Галины Зелениной
и **Галины Поповой**

Москва
сентябрь 2015 г.
проект «Эшколот»
www.eshkolot.ru

Материалы к выступлению Ирины Варьяш

Варьяш И.И. Сарацины в христианских тавернах

Сарацины соприкасались с христианами в обычной повседневной жизни, что, разумеется, могло приводить к столкновению интересов, в том числе и на уровне общин.

Интересно обратиться к событиям, произошедшим в самом начале XIV в. в незадолго до того вошедшем в состав Короны богатом южном городе Эльче. Эти события были вызваны к жизни соседскими повседневными отношениями мусульман и христиан и в равной мере затрагивали интересы обеих общин, что привело их к активному вовлечению в общем правовом пространстве.

Об этих событиях известно из грамоты, составленной в 1316 г. в канцелярии Жауме II. Приведем ее полностью:

Иаков и проч., благородному и любезному Акардо де Муру, местоблюстителю прокуратора в той части королевства Валенсия, что за высокородным инфантом Иаковом, светлейшим первенцем и главным прокуратором нашим, и нашему верному Иоханну Ролфу, байлу в той части, привет и любовь.

Со стороны альхамы сарацин Эльче нам было представлено, что на основании некоего письма, пожалованного нами христианам Эльче, чтобы сарацины раваяла этого местечка могли бы безнаказанно в дома христиан этого местечка, где продается вино, входить и пить там, некоторые сарацины названной альхамы, всякого стыда лишившись, входят в таверны христиан, где столько пьют вина, что пьянеют от него и затевают ссоры против неких христиан и многие постыдные слова против них произносят, и при том от того не только против названных сарацин, которые веселятся в пьянках такого рода, но и также против других могут возникнуть многие убытки и возбуждение, посему на нижайшее прошение, составленное нам со стороны указанных сарацин, вам говорим и повелеваем, чтобы, если не было пожаловано по привилегии нашей или наших предков и нами подтвержденной названным христианам, что названные сарацины могут пить в их домах, но им было пожаловано только нашим письмом, о котором выше было упомянуто, вы останавливали названных сарацин, несмотря на названное письмо, чтобы впредь не ходили в дома или таверны христиан названного местечка ради питья, но могли бы, если захотят, в домах или тавернах христиан покупать вино и к себе домой, что в их квартале, или куда-либо внутри названного квартала нести ради питья.

Однако же, если нами христианам с нашей привилегией было совершено выше-названное пожалование, желаем и повелеваем вам, чтобы вы воздержались от того, чтобы, как выше указано, удерживать, что должно осуществляться по отношению к уже обозначенным сарацинам, и вы, названный байл, пошлите нам

принятую привилегию, если действительно, как это утверждают названные христиане, она имеется, чтобы, изучив ее содержание, мы могли бы распорядиться относительно вышеизложенного так, чтобы было справедливо.

Дано в Лериде, во II календы сентября, в год Господа МСССХVI.

Он же. (Эгидий Петри, по принятой петиции)

Представленная вниманию читателя грамота вышла из-под пера королевского писца в ответ на прошение мусульманской общины города Эльче и была посвящена неоднозначному вопросу о продаже вина сарацинам в тавернах, принадлежавших христианам города, и о разрешении сарацинам там же купленное вино распивать. Введение нового порядка – с санкции королевской власти и к очевидной выгоде казны и хозяев таверн – породило немалые сложности социального характера: появились мусульмане, злоупотреблявшие питием в христианских тавернах, случались ссоры, брань.

Во избежание социальной дестабилизации сарацины города Эльче направили в королевскую курию «нижайшее прошение».

Документ рисует сложное социально-географическое пространство: город поделен на раваль, где живут мусульмане, и христианскую часть, где обитают христиане и располагаются христианские таверны, в которые, однако, с некоторых пор могут приходить и сарацины.

Грамота свидетельствует о добрососедских отношениях между двумя общинами, которые, хотя и жили в разных кварталах, не были отгорожены друг от друга конфессиональными или этническими барьерами. Надо сказать, что в начале XIV в. сарацины составляли подавляющее большинство в городе. Жители равалья и христианской части города общались, контактировали, нередко ко взаимной выгоде. Однако при всем добрососедстве обе стороны осознавали пространство таверны как конфессионально окрашенное.

Для того, чтобы полнее представить на данном материале социальное пространство, ставшее общим для мусульман и христиан Эльче, следует более подробно разобрать грамоту 1316 г.

Документ был составлен на латинском языке и в плане формуляра и лексики обычен для своего времени. Грамота зафиксировала заинтересованность трех сторон – сарацин, христиан и королевской власти – в урегулировании правового статуса небольшого пространства: помещений христианских таверн.

Прежде всего, следует остановиться на принципиально важном моменте, а именно – на отсутствии запретов пить вино у мусульман. Стоит сразу сказать, что ислам не знает полного и безоговорочного запрета на употребление алкоголя. Шариат сурово карает как преступление, относящееся к хууду, опьянение – *сукр* – хотя ни в Коране,

ни в Сунне нет точно определенного наказания за этот вид преступления. Известно, что Мухаммад в некоторых случаях не наказывал за опьянение, а в других – присуждал виновного к некоторому количеству ударов плетью. Все это заставляло мусульманских правоведов очень по-разному подходить к трактовке *сукр*. Мусульманская традиция в этом вопросе, в результате, сильно варьирует, в том числе и в зависимости от того или иного мазхаба, т. е. правовой школы. Маликитский мазхаб, принятый в качестве основного в среде мусульман, оставшихся жить под властью христианских королей, отличается консерватизмом. Потому можно было бы ожидать, что и в вопросе с алкоголем мусульманская община в целом и в лице своей администрации¹ будет занимать более жесткую позицию, подкрепленную известными правовыми представлениями. Однако альхама Эльче, подававшая королю прошение, к нормам шариата не апеллировала вовсе.

В аргументации сарацин, обратившихся за помощью в королевскую курию, не было ни слова, ни единой ссылки на мусульманское право. И хотя в нашем распоряжении находится лишь королевское распоряжение, составленное писцом-христианином, можно с уверенностью утверждать, что вся аргументация из прошения попала в итоговый документ. В королевском распоряжении мы не находим в аргументации сарацин указания на противоречие ситуации мусульманским нормам.

Более того, община высказывает обеспокоенность вовсе не нарушением своих обычаев (что, как мы видели, бывало и довольно часто в это время), а возможным ростом напряженности между христианами и сарацинами. *Со стороны альхамы сарацин Эльче нам было представлено, что... некоторые сарацины... пьянеют... и затевают ссоры против неких христиан.., и при том от того не только против названных сарацин.. но и также против других могут возникнуть многие убытки и возбуждение...* Собственно, в приведенных словах содержится вся аргументация альхамы.

Как видно, она, скорее, направлена на поддержание мира в городе и безопасности сарацинского населения, нежели защищает древние обычаи мусульман.

Власти христианских королевств к винопитию мусульман относились с традиционной прагматичностью. Таверны нередко принадлежали сеньорам местечек или королю (на землях реаленго), сдавались ими в аренду христианам. Сарацины никогда не держали таверн, соблюдая мусульманский порядок, но ходили в них. Из грамот известно даже о существовании в это время небольших, как правило, сеньориальных, городков и местечек, где все население, за исключением двух-трех человек, составляли сарацины; христиане же были: нотариий и хозяева таверн.

Не менее интересны поселенные грамоты, жаловавшиеся сеньорами, в которых оговаривалось право сарацин ходить в таверны и покупать там вино, а иногда даже предписывалось только там его и покупать. Исключение могло быть сделано на случай свадьбы, когда вино разрешалось приносить из других деревень. Сарацины име-

¹ Общину Эльче, скорее всего, представляли кади, аламин, двое старейшин.

ли виноградники, были обязаны сеньорам поборами с них, нередко пользовались торговыми привилегиями, в том числе касавшимися вина, продавали вино христианам и иудеям, снабжали им королевское войско.

Взвесив все то, что нам известно о ситуации в Эльче, будет допустимо предположить, что мусульманская община была вполне откровенна с королевской властью и четко обозначила свои интересы. Даже если мусульманскую администрацию и не устраивало положение дел и ей хотелось добиться запрещения для сарацин пить вино в христианских тавернах, она хорошо понимала, что ступает на поле экономических интересов власти и христиан. Вспомним начало грамоты: *со стороны альхамы сарацин Эльче нам было представлено, что на основании некоего письма, пожалованного нами христианам Эльче...* Таким образом, сарацины знали о королевском пожаловании и упоминали его в своем прошении.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что само разрешение продавать сарацинам вино и позволять им пить в своих тавернах, полученное христианами от короля, никак в прошении не оценивается. Если бы такое разрешение шло вразрез с обычаем и нарушало бы покой альхамы, она, вероятнее всего, отреагировала бы на него, а не на его последствия.

Таким образом, и с точки зрения мусульманского права и правовых представлений того времени, речь шла не о систематическом и грубом нарушении обычая (поскольку о запретах питья нам неизвестно), но о введении нового режима в использовании помещений христианских таверн.

В плане внутригородского общежития эта ситуация осложнялась конфессиональным различием, существовавшим между действующими лицами, и грозила социальной дестабилизацией. На наш взгляд, именно это и волновало сарацинскую альхаму – о чем она, кстати, недвусмысленно высказывается в прошении к королевской власти.

Надо сказать, что взаимоотношения между мусульманами и христианами в Эльче не всегда складывались гладко, и альхама всерьез могла опасаться появления напряженности. Грамота, посвященная праву сарацин пить вино в христианских тавернах была составлена 31 августа 1316 г. – спустя всего десять дней после другого королевского документа – распоряжения властям города позаботиться о безопасности мусульман перед угрозой погрома, к которому призывали некие юноши-христиане.

Дабы создать у власти благоприятное для себя впечатление и добиться пересмотра прав хозяев христианских таверн, сарацины использовали несколько приемов.

В самом начале петиции было помещено указание на то, что именно королевское разрешение изменило права христиан. Королевский писец отразил это так: *было представлено, что на основании некоего письма, пожалованного нами (т. е. королем. – И. В.) христианам Эльче...* Этим коротким пассажем просители достигали сразу нескольких целей. Во-первых, они указывали, что знают о письменном королевском

акте. Во-вторых, они признавали правомерность нового статуса с юридической точки зрения. В-третьих, они обозначали свое намерение просить об изменении статуса у той же инстанции, что послужила источником первоначального разрешения. Более того, подразумевалось, что в силу этих обстоятельств только королевская власть могла вмешаться, а потому и должна была это сделать, на что эксплицитно указывал текст прошения – в-четвертых. И наконец, пожалуй, самое существенное для сарацин – они обозначили в своем прошении королевский акт, жаловавший христианам новые права, при помощи слова «письмо», в выгодном для себя свете представляя статус этого документа.

Совершенно противоположную позицию заняла христианская сторона, о чем мы узнаём из заключительной части королевской грамоты: *пошлите нам принятую привилегию, если действительно, как утверждают названные христиане, она имеется...* Сарацины и христиане придерживались разных точек зрения относительно статуса документа и каждая из сторон использовала этот вопрос, отстаивая свои интересы в общем правовом пространстве. Статус документа превратился в ключ к решению всего дела.

Среди примененных сарацинами приемов, пожалуй, самый очевидный – создание ощущения дистанции между сарацинами-просителями и сарацинами-нарушителями спокойствия. Действительно, мусульманская община, обращаясь за помощью к королю, не могла не понимать, что именно ее члены являются возмутителями спокойствия, с которыми она не в состоянии самостоятельно справиться. Желая добиться королевского вмешательства, альхама постаралась сама осудить провинившихся сарацин и тут она не скупилась на краски: *некоторые сарацины названной альхамы, всякого стыда лишившись, входят в таверны христиан, где столько пьют вина, что пьянеют от него и затевают ссоры... и многие постыдные слова... произносят... веселятся в пьянках...* Из этой цитаты видно, что альхама определенно говорит о своих членах, не стараясь «замять» этот вопрос. В то же время она аккуратно указывает на то, что это – «некоторые» ее члены, давая понять, что есть и иные насельники раваля, непричастные к ситуации. Эта мысль отчетливо проговаривается ниже: *не только против названных сарацин, которые веселятся в пьянках такого рода, но и также против других могут возникнуть многие убытки и возбуждение...* От имени последних община и выступает с ходатайством, активно подчеркивая огромное расстояние между теми и этими.

Интересно, что эффект достигается благодаря выраженной эмоциональной и моральной окраске звучащих обвинений: сарацины, возмущающие покой города, описываются как «всякого стыда лишенные», они «затевают ссоры» и «произносят постыдные слова», они «веселятся в пьянках».

Внутри этой яркой части текста, как мы видели, находится лаконичный и сухой пассаж, выполняющий, тем не менее, важнейшую функцию. Вот он: *при том от того...*

могут возникнуть многие убытки и возбуждение... Краткость этого указания подчеркивает неизвестность масштабов, которых способно достичь социальное возмущение. Сарацины доводят до сведения власти информацию о грозящем ей и ее подданным ущербе. Эта фраза – центральная в прошении мусульман, поскольку направлена на то, чтобы заинтересовать корону и тем самым побудить ее вмешаться: альхама предупреждает, что конфликт грозит выплеснуться за пределы таверн и христианской части города, распространиться на раваль.

Здесь уместно будет обратить внимание читателя на статус мусульманской общины города Эльче. Нам известно о нем и по научной литературе, и по другим документам – сарацины этого города неизменно являлись прямыми вассалами короны: или самого короля, или членов королевской фамилии. Это обстоятельство позволяет с уверенностью говорить о взаимных интересах короны и альхамы Эльче. Любой ущерб, нанесенный мусульманской общине, рассматривался властями как собственный, не в последнюю очередь в связи с тем, что валенсийские сарацины регулярно пополняли королевскую казну. Приведенный выше материал позволяет утверждать, что аргумент такого рода был вполне типичным в это время.

Мусульманское прошение было выстроено таким образом, что должно было подвести власти к мысли о правомерности, полезности и необходимости вмешательства.

Королевская власть, рассматривая мусульманское прошение, действительно, оказалась перед необходимостью совершить выбор того или иного поведения в социальном и правовом пространстве, чтобы вынести решение. Момент выбора отчетливо просматривается уже по одной той причине, что он был осознан как таковой самой властью. Королевская власть знала о дарованном прежде разрешении продавать сарацинам вино и поить их в христианских тавернах, королевская власть получила информацию о пагубных издержках этого разрешения и, желая исправить ситуацию, должна была как минимум выбирать между подтверждением собственного разрешения в пользу христиан или его отменой. Между этими двумя противоположными способами решения, разумеется, находились и промежуточные варианты, в том числе и отказ от принятия собственного решения (власть нередко перепоручала дела, связанные с конфликтами на местах байлам и другим должностным лицам).

Конечно, речь не шла о решении государственного масштаба: перед короной была повседневная задача местного характера, от способа разрешения которой мало что могло зависеть – кроме спокойствия альхамы Эльче и относительно небольшой прибыли казны.

Свое окончательное решение корона ставит в зависимость от сугубо формальной юридической вещи: статуса документа, посредством которого новый режим был введен. Напомним заключительную часть грамоты: *поэтому на нижайшее прошение, составленное нам со стороны указанных сарацин, вам говорим и повелеваем, чтобы, если не было пожаловано по привилегии нашей или наших предков и нами*

подтвержденной названным христианами, что названные сарадины могут пить в их домах, но им было пожаловано только нашим письмом, о котором выше было упомянуто, вы останавливали названных сарадин, несмотря на названное письмо, чтобы впредь не ходили в дома или таверны христиан названного местечка ради питья, но могли бы, если захотят, в домах или тавернах христиан покупать вино и к себе домой, что в их квартале, или куда-либо внутри названного квартала нести ради питья.

Однако же, если нами христианами с нашей привилегией было совершено выше-названное пожалование, желаем и повелеваем вам, чтобы вы воздержались от того, чтобы, как выше указано, удерживать, что должно осуществляться по отношению к уже обозначенным сарадинам, и вы, названный байл, пошлите нам принятую привилегию, если действительно, как это утверждают названные христиане, она имеется, чтобы, изучив ее содержание, мы могли бы распорядиться относительно вышеизложенного так, чтобы было справедливо...

По существу решение, вынесенное королевской властью, было в пользу альхамы, так как предыдущее разрешение в сути своей отменялось. Впрочем, на практике оно могло приобрести разные формы.

Решение короля, пожалуй, по праву можно назвать компромиссным и выявляющим толерантную позицию короны.

Очевидно, что в начале XIV в. практика винопития в среде сарадин претерпевает изменения: сначала она выходит за пределы равалья в том, что касается приобретения вина, а затем и в том, что касается употребления вина, хотя и не сразу.

Материалы к выступлению Галины Поповой

Фрагменты из «Книги о судьях», сочинения биографического жанра первой пол. X в. Мухаммада ибн Хариса ал-Хушани.

I

Говорит Мухаммад: люди объединились и обратились к эмиру — да помилует его Аллах! — жалуясь на судью Йухамира. Когда жалобы эмиру 'Абд ар-Рахману — да помилует его Аллах! — умножились, он приказал визирям заслушать свидетельские показания и расследовать по делу Йухамира. О нем рассказывали [разные] вещи, суть которых заключалась в малой обходительности и в отказе от хорошего обращения. *И был тогда в городе один шейх, романец по языку, которого звали Йаннайр.* В глазах судей он был человеком выдающимся, его свидетельское показание принималось, среди простого народа он был известен своей добротой и достойным образом жизни. Визири послали за ним и спросили его о судьбе. Он ответил по-романски: «Я его не знаю. Однако я слышал, как люди говорят, что он человек злой». *И он назвал его уничижительно одним романским выражением. Когда о его высказывании доложили эмиру — да помилует его Аллах! — он подивился его словам и сказал: «Не иначе как правда заставила этого благочестивого человека привести изречение, подобное этому».* И уволил он: его тогда с должности судьи. (с.86-87)

II

Когда Кумис б. Антунйан умер, Хашим опротестовал права его наследников на его наследство. Он подстрекнул дать свидетельские показания отовсюду и представил некоего мухтасиба, который пришел к судье Сулайману б. Асваду и сказал ему: «Кумис б. Антунйан умер христианином, и деньги его следует поместить в хранилище благотворительных пожалований. Хашим также подал об этом прошение эмиру и сказал ему: «Ты имеешь больше права на его деньги, чем его наследники. Однако же прикажи судье расследовать это дело». И эмир Мухаммад — да помилует его Аллах! — приказал Сулайману б. Асваду провести расследование в этом. Знатными людьми и главными правомочными свидетелями у Сулаймана были приведены многочисленные важные показания, что Кумис умер христианином. И не замедлили свидетельствовать в том же благородные люди и лучшие законоведы, кроме самого малого числа ближайших друзей, среди которых был Мухаммад б. Йусуф б. Матрух. Сев в соборной мечети, он сказал при всех: «О таком, как Кумис, усердно поклонявшемся [Аллаху], ревностном богомольце, голубе этой мечети, говорят: он умер христианином!» Люди принялись повторять: «Подлинно, мы принадлежим Аллаху и к нему же возвращаемся» — и поразились тем, которые в этом его обвиняли. Обо всем этом узнал эмир Мухаммад — да помилует его Аллах! Он поручил визирям послать за судьей Сулайманом б. Асвадом и спросить его, что у него подтвердили относительно Кумиса б. Антунйана. Когда Сулайман б. Асвад пришел, визири ему сказали: «Эмир

— да сохранит его Аллах! — приказал послать за тобой и выяснить, какой иск предъявили у тебя по делу Кумиса?» Сулайман извлек из своего рукава свиток и сказал: «Это то, о чем свидетельствовали у меня по его делу. Но пусть его отошлют эмиру. Он его просмотрит, а затем прикажет по нему на основании того, что решит». Хашим попытался ему помешать и сказал: «О судья! Свиток большой, свидетельских показаний множество, и не всех людей эмир знает. Однако сошлись на имена тех свидетелей, показания которых ты принял, напomini о них и напomini об их показаниях!» Сулайман разгадал его замысел и сказал ему: «Я не поступлю так. Нужно, чтобы эмир увидел свидетельские показания такими, как они есть». И отослал свиток со всем тем, что в нем. Прошло очень немного времени, и вышел слуга из покоев эмира и сказал судье: «Эмир говорит тебе: “Избавь меня от свидетельских показаний и их долгого перечня и сообщи мне, что у тебя из них подтвердилось!»». Он ответил слуге: «Скажи эмиру — да сохранит его Аллах: “У меня не подтвердилось против Кумиса ничего предосудительного, а ведь все свидетельства, выдвинутые по его делу, известны. Аллах ничего этого не желал»». И заметил ему Хашим: «Хвала Аллаху, о судья! Свидетельствовали у тебя Ибн Кулзум, и такой-то, и такой-то». Судья ответил: «О том, что, по-моему, является правильным, я уже сообщил эмиру». И последовало письменное распоряжение судье: «Раздели деньги Кумиса между его наследниками!» Судья разделил их, а деньги были огромные. (с. 132-133).

III

Говорит Мухаммад: пришел человек из христиан, ища для себя смерти. Аслам его побранил и сказал: «Горе тебе! Кто побудил тебя убить себя самого, если [на тебе] нет греха?» А глупость и неведение христианина дошли до того, что он безосновательно приписал себе такое наивысшее пророческое достоинство, какового он не признал за 'Исой б. Марйам — да благословит Аллах Мухаммада и его! Он спросил у судьи: «Считаешь ли ты, что, если ты убьешь меня, я действительно буду убит?» И судья его спросил: «А кто же будет убит?» Христианин разъяснил ему: «Мое обличье, которое воплощено в одном из тел. Его ты и убьешь. А что касается меня, то я тотчас же вознесусь на небо». Аслам возразил ему: «То, что ты утверждаешь относительно этого, скрыто от нас, а то, что внушает тебе твое неверие, скрыто от тебя. Но есть средство, которое поможет выявить в этом правду и для нас и для тебя». Христианин спросил: «А что это?» Судья Аслам обернулся к помощникам и произнес: «Подайте кнут!» Затем велел раздеть христианина. Его раздели, и он приказал его отхлестать. Когда его стали хлестать, он начал дергаться и кричать. Аслам спросил его: «На чью спину падают эти удары?» Он ответил: «На мою спину». И предостерег его Аслам: «Вот так же меч, клянусь Аллахом, может упасть на твою шею. Не думай, что будет иначе». (с. 187-188)

*Мухаммад ал-Хушани. Книга о судьях. М., Наука, 1992.
Пер. с араб., предисл., примеч., указ. К.А. Бойко.*

Материалы к выступлению Галины Зелениной

1

В то же время произошло событие крайне плачевное, достойное скорби всех сынов католической церкви. Молва возвестила, что дьякон Бодо, алеманн по происхождению, с раннего детства воспитанный в христианской вере и воспринявший от придворных ученых науку божественную и человеческую, тот, кто лишь в прошлом году испросил позволения у императора и императрицы отправиться в паломничество в Рим и получил одобрение и многие дары, — этот человек, совращенный врагом рода человеческого, оставил христианство и обратился в иудаизм.

(Бертинские анналы. Запись за 839 г.)

Я вопрошаю, можно ли найти сегодня ученого человека среди мирян, кто, обладая знанием Священного Писания, изучал бы латинские книги каких-либо богословов? Кто сейчас горит евангельской любовью, любовью такой, как была у пророков, как была у апостолов? Разве не все юные христиане, миловидные, речистые, заботящиеся о своем платье и манерах, известные своим знанием языческой жизни, уважаемые за свою способность говорить по-арабски, — разве не все они с увлечением читают книги халдейские <...> и при этом не ведают красоты Церкви и взирают с отвращением на церковные райские реки как на мерзость? Увы! Христиане не знают собственного закона, латиняне забыли собственный язык...

(Paulus Alvarus Cordubensis. Indiculus luminosus // Patrologia Latina. Vol. CXXI. Col. 555-556)

Кто из нас более заслуживает имени израильтянина? Ты, по твоим собственным словам, отошедший от язычества ради почитания великого Бога, еврей не по крови, но по вере, или же я, еврей и по крови, и по вере? Но я не именуюсь евреем, ибо новое имя было дано мне, и уста Господни его изрекли. Авраам — отец мой, поскольку мои предки происходили из этого рода: ведь ожидая Мессию, когда тот должен был прийти, и приняв его, когда он пришел, они более истинный Израиль, чем те, кто ждал Мессию, но отверг его, когда тот явился, и до сих пор ждет его, ибо вы по-прежнему ждете того, кого уже отвергли. Язычники, ежедневно обращаемые в веру Израилеву, пополняют народ Божий, вы же упорствуете в заблуждениях евреев.

Готы презируют смерть и превозносят раны <...> Я тот, кого Александр велел избегать, боялся Пирр и Цезарь страшился. О нас сказал Иероним: У него рог на голове, беги от него. И потому не болтай о бешеных псах и признай себя огрызающейся лисой <...> и не говори, будто я — компилятор древних, ибо это пристало мужам великим.

(Gil J. Corpus Scriptorum Mozarabicorum. Vol. 1. Madrid, 1973. P. 249, 270)

Послы Абдаррахмана, короля сарацин, приходят из Кордубы в Испании к Карлу для того, чтобы просить мира и заключить союз [...] Бодо, который за несколько лет до

этого, оставив христианскую истину, признал нечестие иудеев, впал в такой порок, что постарался до такой степени возбудить души как короля, так и народа сарацин против всех христиан, проживающих в Испании, чтобы [...] они либо обращались к безумию иудеев или сумасшествию сарацин, либо их всех истребили. Кроме того от всех христиан того королевства была послана слёзная просьба к королю Карлу и епископам его королевства [...], чтобы христиане не подвергались бы обращению либо смерти.

(Бертинские анналы. Запись за 847 г.)

2

Какого наказания заслуживает иудей, который возляжет с христианкой.

Очень большую дерзость и наглость совершают иудеи, если возлягут с христианками. И посему повелеваем, что впредь все те иудеи, про которых будет доказано, что они совершили такое, за это умрут; раз христиане, которые совершают прелюбодеяние с замужними женщинами, заслуживают за это смерти, тем более ее заслуживают иудеи, возлегшие с христианками, которые духовно суть супруги Господа нашего Иисуса Христа по причине веры своей и крещения, которое они приняли во имя Его. И христианка, совершившая подобное прегрешение, не должна остаться без наказания. И посему повелеваем, что будь то дева, замужняя женщина, вдова, или распутная женщина, которая всем отдается, пусть получит то же наказание, которое мы указали в заключительном законе титула о маврах применительно к христианке, которая возляжет с мавром.

(Семь партид короля Альфонсо Мудрого. Партуда VII, титул XXIV, закон IX)

Трое изгоняют божественное присутствие из мира, делают так, что Святой, благословен он, перестает обитать в этом мире, и плач людей остается не услышанным. Суть: тот, кто возлежит с женщиной во время менструации. [...] Тот, кто возлежит с нееврейской. [...] О таких сказано: «И люди начали иметь незаконные сношения с дочерьми Моава [...] и гнев Господень возгорелся на Израиль» (Чис 25:1, 3). [...] В каждом поколении старейшины народа несут ответственность за этот порок, если они знают о нем, но не пресекают его решительным образом...

(Сефер га-Зо́ар)

Что касается вашего вопроса о том, в силе ли в нашей общине постановление, запрещающее двоеженство, я могу сказать, что среди нас никогда не бывало – Господь да запретит это и впредь! — так, чтобы человек, даже самый распутный, совершил бы такое преступление: жить открыто с рабыней, затем обратиться к ней и жениться на ней и хуже всего – отстранить ради рабыни жену своего сердца. [...] Еще в давние времена рабейну Гершом благословенной памяти, светоч диаспоры, объявил херем против тех, кто, будучи женат, возьмет себе другую жену, даже равного

статуса с его женой, а уж тем более – женщину такого рода. В наших краях было не более двух или трех случаев, когда мужчина брал себе вторую жену, будучи женат на первой, и в каждом случае лишь потому, что первая не родила ему детей. И я ни разу не видел, чтобы такой брак оказался счастливым. Ваша славная община [...] не должна позволять юношам устраивать беззаконие и неправильно обращаться с дочерьми Авраама. Общине таких благочестивых, ученых и мудрых мужей подобает принудить этого человека взять обратно свою первую жену и тем самым противостоять злу.

(Респонс рабби Шломо бен Адрета)

Настали времена безмерного опустошения / Завет веры нашей отступает перед другим,
/ Будто нежная кожа перед коростой. / Грешники преумножаются, неверные мятежники –
/ Так называемые евреи, которые лелеют христианский закон / И бредут в темноте,
отдалившись от Закона Моисея, / Которые преступают предписания мудрецов, /
Слишком слепые, чтобы чтить еврейскую веру. / Крайне редка ночь, проведенная за
изучением Талмуда. / «Алфавита достаточно нам, – говорят они, – и немного письма.
/ Еврейский язык нам не нужен; кастильский наш язык или арабский...» / Нечестивцы
они! Наверняка их предки / Никогда не стояли у горы Синай и не принимали Завета.

Следует любить арабскую девушку / Даже если она не красива и не чиста, / И держаться
подальше от испанской девушки / Даже если она сияет, как солнце. / В испанской
девушке нет очарования, / Даже если она наденет шелк или лучшую парчу. [...] /
Она невежественна в деле совокупления, она не знает ничего. / Но каждая арабская
девушка обладает очарованием и красотой, / Которые пленяют сердце и утоляют
отчаяние. / Она выглядит так прекрасно, будто одета в золотое шитье, / Хотя на самом
деле она обнажена. / В нужный момент она угождает, / Она знает все о любодеянии,
/ Она знаток науки страсти.

(Сад притч и загадок. Диван Тодроса б. Йегуды га-Леви Абулафии / Под ред. Д. Йеллина. Иерусалим, 1932)

3

Был у него [короля Педро Жестокого] фаворитом один еврей, которого звали Шмуэль Леви (*Samuel Levi*); он подсказал королю разжаловать великих людей и оказывать им мало чести, и приблизить к себе людей незаслуженных, не идалго и не обладающих властью. Этот еврей также приучил его стремиться узнавать события будущего путем колдовства и звездочетства [...] эти вещи [колдовство] были созданы дьяволом. Он [король] хотел знать больше, чем ему полагалось; он стал питать ненависть ко многим. Он распространил свое право сеньора и достиг многих в своем королевстве, и из-за этого все больше людей в его королевстве его ненавидели...

(Diez de Games G. El Victorial : Crónica de don Pero Niño, conde de Buelna. Ed. y estudio por J. de Mata Carriazo. Madrid, 1940. P. 48-49)

Было найдено тогда у дона Шмуэля в Толедо сто шестьдесят тысяч добл и четыре тысячи марок серебра, и сто двадцать пять ларей с шитой золотом тканью и шелком, и другие драгоценности, и восемьдесят мавров, и мавританок и маленьких мавров [...] говорили, что это из налогов королевства, которые они собирали для короля.

(Crónica de Don Pedro El Primero // Crónicas de los reyes de Castilla. Vol. 1 (B.A.E., vol. 66). Madrid, 1934. P. 510)

Дон Педро убил под пытками в тюрьме р. Шмуэля Га-Леви, [...] и тут же Святой да будет Он благословен отомстил королю дону Педро, и убил того его брат.

(Abraham Zacuto. Sefer Yuchasin ha-shalem. Ed. A.Freimann. Frankfurt a. Maine, 1925. P. 224a)

Однажды послал [король дон Педро] мудрого еврея дона Шмуэля Га-Леви к королю португальскому, с которым был в ссоре. И призвал король [португальский] этого еврея и сказал ему: «Иди и увидишь своего короля». И привел его в комнату в комнате и показал ему изображение короля Испании, вырезанное на стене в том месте, где он испражнялся. И было это сделано, чтобы унижить короля испанского. И вышеназванный еврей-посол поспешил ответить королю португальскому и сказал так: «Как же хорошо тебе от того, что ты повелел изобразить моего господина короля в этом месте, ведь теперь, когда ты не можешь облегчиться и у тебя запор, ты, увидев моего короля, пугаешься и кишки твои расслабляются, что приводит к поносу. Для своего излечения и для своей пользы сделал ты это». Услышав этот прекрасный ответ, король удивился и испугался. И узнал король дон Педро об этом деянии, и оно понравилось ему, и сказал он своему народу: «Найдем ли мы такого, как он, человека, в котором дух Божий?»

(Eliahu Capsali. Seder Eliahu Zuta. Ed. A.Shmuelevitz, S.Simonsohn. 2 vols. Jerusalem, 1976-77. Vol. 1. P. 174)

Что иудеи могут иметь свои синагоги среди христиан.

Синагога – место, где иудеи читают молитву, и такое здание, как синагога, иудеи не могут строить заново нигде в наших владениях кроме как по нашему приказанию. Но те, которые у них были с древних времен, если произошло так, что они рухнули, можно их восстановить или отстроить на том же месте в прежнем виде, но не расширяя их, не возвышая и не расширяя. А синагога, которую возвели иным образом, отходит к главной церкви того места, где была возведена, и иудеи теряют ее. А поскольку синагога – дом, где славят имя Божье, мы запрещаем христианам разрушать ее и выносить или силой брать оттуда что-либо, кроме как в случае, если какой-либо злоумышленник найдет там убежище; тогда его могут там схватить насильно, дабы привести в суд. Кроме того запрещаем христианам заводить туда скотину, останав-

ливаться там на постой или препятствовать иудеям там учиться и молиться согласно их закону.

(Семь партий короля Альфонсо Мудрого. Партида VII, титул XXIV, закон IV)

Придя же в город Толедо и увидев жестоковейность, неверие и измену некоторых, он [Висенте Ферер] взял с собою людей вооруженных и вошел в квартал хударии [...] и в древнем храме, который теперь называют Санта Мария ла Бланка и который был их синагогой, невзирая на всех иудеев освятил его и, выгнав их, сделал его церковью и отслужил там мессу.

Francisco de Pisa. Descripción de la Imperial Ciudad de Toledo (1605)

[Орден Калатравы] получает большую синагогу иудеев, что была у них в Толедо, в обмен на *алькасар* и дворцы Галианы с церковью Санта-Фе, владения этого ордена.

La Crónica de las tres órdenes y caballerías de Santiago, Calatrava y Alcántara (1572)

Все надписи, которые есть в этой церкви, как сверху, так и внизу, которые написаны иудейскими буквами, вы должны их сбить и убрать, и стены вновь оштукатурить, потому как это представляется делом крайне необходимым и угодным Богу.

Распоряжение приора Сан-Бенито, 1500 (Archivo de las órdenes de Calatrava y Alcántara)

Обо всем этом и о том, что сумел обнаружить внутри здания и снаружи вплоть до самого потаенного в нем, я написал диссертацию на латыни, [...] которая состоит из трех параграфов: в первом рассказывается о появлении евреев в Испании при Веспасиане и вплоть до их ухода при короле Фернандо V; во втором, самом просторном, дается описание Храма; в третьем я обосновываю свое убеждение в том, что только этот, о котором идет речь, был почтен именем Храма и торжественно освящен подобно Храму Иерусалимскому, а все прочие молитвенные дома, которые были в Испании, особенно в Толедо и его окрестностях, назывались синагоги, или альхамы, или санхедрины.

Francisco Pérez Bayer. De toletano hebraeorum templo (Toledo, 1752)

4

«Будет судить гоев полон трупов» – сказали учителя наши: Святой да будет благословен Он как будто взял от крови каждой души, что убита в народе Израилевом, и погрузил в нее свой порфирион, пока не стал он цвета крови, а когда приходит день суда и садится Он на престоле вершить суд, то надевает этот порфирион, а на нем записаны все [убитые] праведники, и потому сказано «будет судить гоев полон трупов». И в тот же час отомстит Святой да будет благословен Он...

(Агадическая антология Ялкут Шимони, Франкфурт XIII в.)

Это освобождение, однако, будет включать разрушение, уничтожение, гибель и истребление всех народов – их самих и ангелов, которые наблюдают за ними, и их богов, как сказано: «посетит Господь воинство выспренное на высоте и царей земных на земле» (Ис 24:21). И Иеремия сказал: «Не бойся, раб Мой Иаков, говорит Господь: ибо Я с тобою; Я истреблю все народы, к которым Я изгнал тебя, а тебя не истреблю» (Иер 46:28). Вы видите, таким образом, что Господь истребит все народы кроме Израиля...

(Сефер ницахон ветус # 242)

Святой, Благословен Он, уничтожит все дурные народы мира и не останется от них даже остатка. [...] Большинство народов мира будет полностью уничтожено и перебито, и никто не останется в мире за исключением праведников, которые трепещут Господа, будь они из числа Его народа или из числа тех, кто уверовал в Тору и нашел убежище под крылами Шхины, будучи из других народов.

(Авраам бар Хийя. Размышления о душе. Иерусалим, 1971. С. 128)

[Царь-Мессия] исправит весь мир, убедит все народы вместе служить Господу, как сказано: «Тогда опять Я дам народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единодушно» (Софония 3:9).

Не следует ожидать, что в эру Машиаха какие-либо элементы природного порядка будут упразднены. [...] Мир будет продолжать жить по своим законам. Хотя Исая (1:6) утверждает, что «волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком», но эти слова аллегория или загадка. Они означают, что Израиль будет жить в мире с дурными неевреями, которые уподоблены волкам и барсам. [...] [В эру Машиаха все народы] вернуться к истинной вере и не будут более притеснять и разрушать. Вместо этого, находясь в мире с Израилем, они будут есть только то, что позволено, как сказано: «и лев, как вол, будет есть солому» (Ис 11:7).

Мудрецы и пророки молились о приходе Машиаха не для того, чтобы еврейский народ воцарился над всем миром и получил бы господство над неевреями, возвеличился за их счет, ел, пил и праздновал, а для того, чтобы без притеснения и угнетения еврейский народ мог посвятить себя Торе и ее мудрости и таким образом стал бы достоин жизнь в Грядущем мире.

(Рамбам. Мишне Тора. Гилхот млахим, 11-12)

אשכולות
колонийно-образовательный проект
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

